

"КАБИНЕТ ВОСКОВЫХ ФИГУР" (Неизвестные стихи молодого Некрасова)

Первое упоминание о том, что Некрасов написал в стихах афишу для "Кабинета восковых фигур", мы находим в мемуарной заметке Ф. С. Глинки, {Ф. С. Глинка. К биографии Некрасова "Исторический вестник", 1891, т. XLIII, No 2, стр. 585--586.} содержащей некоторые сведения о совместной жизни Некрасова с братом мемуариста, С. С. Глинкой, на углу Невского проспекта и Владимирской улицы.

"Когда я заходил к брату, - пишет Ф. С. Глинка, - то большею частью заставлял Некрасова лежащим на диване; он постоянно был, или казался, угрюмым и мало разговаривал. Помню, что в то время он написал стихами афишу для "Кабинета восковых фигур", помещавшегося у Казанского моста в доме Энгельгардта {Сообщаемое Глинкой местопребывание "Кабинета восковых фигур" расходится с его адресом, помещенным в конце текста найденной афиши Противоречия в этом нет, так как в разные годы посещения Шультом Петербурга его заведение меняло свое местопребывание. Так, например, как это видно из "Сокращенного описания галлерей художеств", изданного в Петербурге в 1841 г., "Кабинет" Шульта помещался в доме Энгельгардта у Казанского моста.}. У меня даже осталось в памяти несколько стихов из этой афиши:

Иван Иванович Штейнигерс
С саженой бородой
Он был в немецком городе
Когда-то головой!
Вот и Вильгельм Васильевич
Тель, парень молодой,
Он храбро дрался с немцами
За город свой родной!¹

За составление афиши Некрасов получил двадцать пять рублей".

Однако на протяжении нескольких десятков лет поиски афиши оставались безрезультатными, и полный печатный текст ее не был обнаружен ни в одном из крупнейших книгохранилищ страны, что невольно вызывало сомнение в точности воспоминаний Ф. С. Глинки. Лишь через 58 лет после опубликования заметки Ф. С. Глинки, в 1949 году, А. М. Гаркави в статье "О новонайденном рассказе Н. А. Некрасова "Очерки литературной жизни"" {"Ученые записки Ленинградского Государственного университета", No 122, Серия филологических наук, вып. 16, 1949, стр. 135--136.} указал, что им обнаружено еще 44 стиха из афиши, которые были напечатаны в "Русском инвалиде" (1843, No 285) и "Литературной газете" (1844, No 7). Тем не менее и после этого полный текст написанной Некрасовым афиши по-прежнему оставался неизвестным. Как видно, сведения об афише в воспоминаниях Ф. С. Глинки не содержали необходимых данных для ее успешных поисков. Единственным дополнительным источником, из которого можно было почерпнуть еще какие-либо данные об афише, являлись заметки, напечатанные в газетах того времени ("Русском инвалиде" и "Литературной газете") по поводу ее выхода. В них афиша в одном месте называлась "Объявлением", в другом - "Описанием" "Кабинета восковых фигур" и по-разному транскрибировалась фамилия владельца "Кабинета": Шульц, Шульдц, Шульт. На основании этих сведений нами были вновь продолжены поиски затерянного произведения Некрасова.

Неизвестная до сих пор афиша была найдена нами в фондах одного из старейших книгохранилищ страны - Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Последовательно пересматривая в каталоге все возможные варианты заглавий, псевдонимов Некрасова и пр., мы в конце концов обнаружили афишу. На карточке алфавитного каталога библиотеки автором ее значился Жан Шульт, владелец "Кабинета восковых фигур". Сто тринадцать лет тому назад, когда она поступила в Публичную библиотеку, библиотекари были введены в заблуждение последними ее строками, в которых хозяин "Кабинета восковых фигур" обращался к будущим зрителям:

Теперь скажу вам со смиреньем,
Мне честь вас видеть дорога,
Я остаюсь с моим почтеньем
Жан Шульт,
Покорный ваш слуга -

и сочли Шульта автором афиши. Невольный плагиат Шульта и явился причиной долгих и безуспешных поисков этого затерянного произведения Некрасова.

Афиша напечатана на листе голубой бумаги большого формата в пять столбцов, всего в ней 526 стихотворных строк. Приведем ее полное заглавие: "Кабинет восковых фигур из Вены, в человеческий рост, содержащий более 125 частей вращающихся фигур или автоматов, групп и изображений предметов исторических и мифологических, из коих многие целые из воску. Каждый день с 4 до 9 часов пополудни показываются публике при великолепном освещении". Наличие в найденном тексте афиши восьми строк, приведенных в мемуарной заметке Ф. С. Глинки, а также полное совпадение с 44 строками, обнаруженными А. М. Гаркави, не оставляют сомнений в авторстве Некрасова. Дополнительным аргументом, окончательно решающим вопрос о принадлежности афиши перу Некрасова, является буквальное или частичное совпадение некоторых стихотворных строк афиши со стихотворениями Некрасова тех же лет. Так, например, строка 285 ("С небритой бородой") перешла в афишу из "Говоруна", {Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. I, Гослитиздат, М., 1948, стр. 174.} а строка 282 ("А это просто чучело") близка к строке "А вышло - просто чучело" из "Провинциального подьячего в Петербурге". {Там же, стр. 369. Указано Б. Я. Бухштабом.} Обратим также внимание на употребленное в строке 355 афиши мало распространенное слово "битка", которое часто употреблялось Некрасовым в стихотворениях тех же лет. Ср., например, в "Провинциальном подьячем в Петербурге": "И видно, что битка!". {Там же, стр. 365.} Куплетная манера афиши стилистически близка к сатирико-юмористическим стихотворениям Некрасова этих лет. Отметим, наконец, что "Кабинет восковых фигур" помещался на углу Невского проспекта и Владимирской улицы в доме генерал-майора Осоргина, т. е. именно в том доме, в котором жил Некрасов.

Как видно из объявлений владельца "Кабинета восковых фигур", печатавшихся в "Прибавлениях к С. -Петербургским ведомостям", его заведение не пользовалось особой популярностью у жителей и он время от времени вынужден был снижать плату за вход. {Так, например, в No 259 от 14 ноября 1843 года, стр. 2622 этого издания плата за вход была 50 копеек, а в No 264 от 20 ноября, стр. 2677 плата за вход была уже снижена до 25 копеек. Афиша была заказана Некрасову как раз в это время: плата за вход на ней указана в размере 25 копеек.} Предприимчивый хозяин не ограничился этой мерой и для привлечения петербуржцев в хиреющее заведение обратился к проживавшему в этом же доме Некрасову с предложением написать стихотворную рекламу, в которой молодой и нуждающийся литератор должен был расхвалить заведение Шульта.

Посетителям "Кабинета восковых фигур" за дополнительную плату выдавался путеводитель - "Сокращенное описание галлерей художеств, составленное в таком порядке, в каком расположены предметы, состоящей из 150 статуй, величиною в рост, снятых большею частью с натуры" (СПб., 1841, 14 стр.). Аналогичные издания того же предпринимателя были выпущены в Риге (1841 и 1845) и в Москве (1842). Текст этих изданий почти одинаков. Афиша была написана Некрасовым на основании одной из этих брошюр, вероятно, издания 1842 года. На это указывает сам поэт (строка 143):

Взглянул тотчас же в книжечку.

Основным посетителем "Кабинета восковых фигур", на которого была рассчитана заказанная Некрасову афиша, был обыватель, жаждавший "заманчивых" и "необычайных" зрелищ". Перед Некрасовым стояла очевидная задача: разжечь любопытство стремящегося к сенсациям обывателя, внушить ему непереносимое желание посетить находящийся в запустении "Кабинет восковых фигур". Молодой поэт отступает от порядка расположения восковых фигур и описаний, содержащихся в путеводителе, отбирает наиболее интересующие его лица и дает им стихотворную характеристику. Порою Некрасов не заканчивает характеристику

описываемых фигур, тем самым стараясь вселить уверенность в читателя афиши, что при посещении "Кабинета" его ждет увлекательное и интересное зрелище, которое только частично рассказано автором афиши. Так, например, заканчивая характеристику Вильгельма Телля, Некрасов пишет (строки 69--72):

Картина интересная,
Да что тут толковать,
Придите, так увидите -
Мы рады показать.

Можно не сомневаться, что предмет "вдохновения" молодого Некрасова был весьма далек от подлинных его интересов. Однако суровая и трудная жизнь в эти годы не давала ему возможности пренебречь сравнительно легким двадцатипятирублевым заработком, который, можно не сомневаться, был весьма кстати крайне нуждавшемуся литератору.

Конечно, стихи афиши не являются созданием того Некрасова, которого мы знаем как великого поэта, и находить в них особые художественные достоинства не приходится. Поденщина одолевала поэта. В сделанной наспех работе Некрасов употреблял и банальные образы, и неправильные ударения, прибегал к штампам и пр. Но если "Афиша" не является творческим достижением поэта, то нельзя все же не отметить достоинств легкого куплетного стиха. Даже и в этой заказной работе перед нами то и дело мелькает подлинный поэт. В творческом наследии Некрасова для нас важна каждая строка. Найденные 526 стихотворных строк проясняют кое в чем эволюцию водевильно-юмористической манеры Некрасова, так ярко выраженную им в стихотворениях этих лет, в частности в "Говоруне".

Текст обнаруженной "Афиши" печатается по единственно известному в настоящее время экземпляру, хранящемуся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. {Шифр: 18. 191. 1. 350.} В публикации сделано два незначительных сокращения - строки 464--469 и 478--485.

Кабинет

восковых фигур из Вены, в человеческий рост, содержащий более 125 частью вращающихся фигур или автоматов, групп и изображений предметов исторических и мифологических, из коих многие целые из воску.

Каждый день с 4 до 9 часов пополудни показываются публике при великолепном освещении.

Кто не учился в детстве в школах,
Историй мира не читал,
Кто исторических героев
В натуре видеть не желал,
И кто в часы уединенья,
В часы вечерней тишины,
Не рисовал воображением
Картин геройской старины?
Чтоб оживить свои идеи,
О чем мечтала старина,
Так вы идите в галерею,
Идите в дом Осоргина.
Там все, что умерло и сгнило.
Мы оживили навсегда.
Оно и дешево и мило:
Ей, ей, смотрите господа!
Чем вам по Невскому слоняться,
Морозить уши и носы,
Идите с прошлым повидаться,
Смотреть истлевшие красоты.
Там целый ряд былых деяний
Людей умерших и живых

Предстанет в пышных одеяньях
В лице героев восковых.
Вы их с вниманьем рассмотрите.
Довольны будете собой,
При том художнику дадите
За труд награду с похвалой.
Взойдете - прямо перед вами
Стоит задумавшись один,
Тальма, прославленный людьми.
Французской сцены исполин.
Его французы все любили,
Он их героев представлял;
Как мы их лица оживили,
Так он их страсти оживлял.
Иван Иваныч Штейнигер-с
С саженой бородой,
Он был в немецком городе-с
Когда-то головой.
А вот Вильгельм Васильевич
Тель, парень молодой;
Он славно дрался с немцами
За город свой родной.
Он штука не последняя,
В историю попал;
Хоть в жизнь свою истории
Ни разу не читал. -
А жил-то он в Швейцарии.
В то время, когда там
Жил Геслер, злой правитель их,
Всех щелкал по ушам.
Там этому-то Геслеру
Тель как-то нагрубил,
У Теля сын был маленький,
Отец его любил.
Ну, Геслер и велел ему,
Чтоб в сына он стрелял,
И яблоко с главы его
Стрелой своею снял.
С тоскою Тель прицелился,
Вдруг воздух завизжал,
Все вскрикнули от радости -
Он в яблоко попал.
Все это здесь представлено,
Всяк сделан как живой,
Сам Геслер, Тель, жена его
И сын, и тесть седой.
Картина интересная,
Да что тут толковать,
Придите, так увидите -
Мы рады показать.
Вот лорд Кохрен, британец храбрый,
Одет в пурпуровый мундир;
И с ним Миаули отважный,
Известный греков командир.
И предводитель фильелинов,
Искавших счастья людей
И храбро дравшихся за греков
Для славы собственной своей;
Фабвье, полковник знаменитый,
Порядку греков он учил,

От императора французов
Он крест французский получил.
Встречался с турками он редко,
Да больно турок не любил,
Хотя и редко, да уж метко
При каждой встрече колотил.
К ним турка смуглого с посланьем
Паша египетский прислал,
Тот турок, полн негодованья,
Вожням посланье отдавал.
А здесь, рожденный для короны,
Еще в младенческих летах,
Представлен сын Наполеона
У юной мамки на руках.
С дитяти глаз она не сводит,
Его лелеет, веселит,
С ним на руках весь день проводит,
Всю ночь у ног его сидит.
Смотрите больше на ребенка:
Печать несчастья на нем,
Рейхштатским герцогом он умер,
Родился римским королем.
А здесь царица молодая
Во всей красе, во цвете лет,
С тоскою взоры устремляет
В последний раз на божий свет,
Пред нею, преклонив колена,
Стоит Мельвиль, седой старик,
Товарищ гибельного плена,
Главою грустною поник.
Вокруг, в тревожном ожиданьи,
С слезами, фрельны, на глазах,
Сидят, прощаясь до свиданья
В блаженной жизни, в небесах.
Вот графы Кентский и Шревсбури,
И мрачен их печальный взор,
Они несут, как тучи бурю -
Царевне грозный приговор.
Еще вблизи от эшафота,
С улыбкой зверства на устах
Стоит отверженец народа,
Палач с секирою в руках,
При первом взгляде на картину
Все фибры сердца задрожат,
Ведь это страшная кончина
Несчастной Марии Стюарт!
Ах, вот еще про этого,
Совсем было забыл,
Когда взойдете в двери вы,
Тут немец прежде был,
Сидит он, как оглянетесь,
Весь в черном, небольшой,
Так вы ему не кланяйтесь,
Он мертвый, восковой.
Знать, это Шульц, хозяин сам,
Сначала думал я,
Да что-то больно пристально
Он смотрит на меня.
Тут я и образумился -
Знать, это не живой,

Взглянул тотчас же в книжечку,
Ах, точно, восковой.
Он Пальмом прозывается,
В Нюрнберге прежде жил,
Да книжечку какую-то
Про немцев сочинил.
Книжонка-то пустяшная,
Да франков он ругал,
Так автора несчастного
Француз и расстрелял. -
А вот пленительна как счастье;
Стройна как дикая сосна,
Царица неги, сладострастья,
Сидит детьми окружена.
Она бела как снег ваш хладный,
Как ваши зори румяна,
Как летний вечер ваш отрадна,
Как цвет полуденный нежна.
Кто молод, в ком бушуют страсти,
Кто их не в силах победить,
Кто любит негу сладострастья,
Кто может пламенно любить,
Вы не ходите в галерею,
Не пробуждайте сердца сон,
Не оживить вам Галатею,
Как оживил Пигмалион.
Венера сердцем овладеет,
Все чувства страсти пробудит,
Она и старость разогреет,
А юность? - в прах испепелит.
А здесь две старушоночки
Танцуют менует,
Величиной с котеночка,
А 70 лишь лет,
И рожицы умильные,
Улыбка на устах,
Старушки щепетильные,
Смешны, ну так, что страх!
Ну вот и Кант, философ славный,
А вот и Лютер, Меланхтон,
Вольтер, писатель презабавный,
Сатирик злой и атеист.
А здесь сидит его патрон,
Великий Фридрих, бич австрийцев.
Король, писатель и артист.
О вы, седые дипломаты,
О вы, читатели газет,
Есть и для вас в моей палате
Презанимательный предмет.
Сюда, сюда, Кузьма Петрович,
Сюда, сюда, почтенный Шпак,
Взойдите прямо и смотрите,
Немного вправо, точно так:
Преинтересная картина;
Пред вами рядышком стоят
И черноокая Христина,
И черноусый Фердинанд. -
Хотите видеть в отдаленьи
От пульей, ядер и огня
Картину грозного сраженья

И смерть французского вождя;
Смотрите: бледный, помертвелый,
На трупе бранного коня
Лежит Моран, беспечно смелый,
Средь грозной битвы и огня.
Он был убит под Люнебургом,
Который храбро защищал,
И эту сцену в Петербурге
Теперь кто б видеть не желал.
Смотрите ж, вот она, все мрачно,
Вождя любимого всем жаль,
На лицах воинов бесстрашных
И безнадежность и печаль,
А их доспехи боевые
Сребром и золотом горят,
Все эти лошади живые,
Все эти люди говорят!
А здесь Махмуд, султан турецкий,
Среди наложниц молодых,
И азиатских, и немецких,
И италияночек живых.
Потом Антония-девица,
Она с усами, с бородой,
Хотя с усами не годится
Ходить девице молодой.
А вот и тот, кто целый мир
Геройской славой изумил,
Пред кем Европа трепетала,
Чье слово чтилось, как закон,
Чье имя храбрых ужасало,
Кто прежде был Наполеон.
Но смерть героя не щадила,
Как он при жизни не щадил,
Она великого сразила,
Как он всю жизнь свою разил;
Под пышным черным балдахином
Лежит герой Наполеон,
Вокруг его стоят уныло
Маршал Бертран и Монтолон,
Вокруг развешены знамена,
Трофеи славы и побед,
Под ними меч Наполеона,
Который знает целый свет.
Кто ж это в бархатной скуфейке,
С крестом французским на груди,
Сидит так смиренно на скамейке,
На гроб так пристально глядит?
То славный Гете современник,
Писатель с чувством и умом,
То славный веймарский советник
Виланд, вы знаете об нем,
Виланд и Гете нам знакомы,
И город Веймар нам сродни,
Под сенью царственного дома
Они так пышно расцвели;
Как сердцу русскому не биться,
Припомнив город нам родной,
Его державная царица
Была российской княжной.
А здесь Франклин в года былые,

Он много истин нам открыл,
Открыл отводы громовые
И молний злобу усмирил.
Кто это кроткое созданье,
Кто эта дивная жена,
За что на горе и страданье
Она судьбой обречена?
Каким небесным выраженьем
Горят прекрасные глаза,
В чертах и кротость, и смиренье,
С ресницы катится слеза,
Вблизи страдалицы прекрасной
Истлевший череп и земля
Напоминают ей всечасно
Тщету земного бытия?
Ее назвать я вам не смею,
Она не здешняя жена,
Пред нею мир благоговеет,
Она для неба создана! -
А это просто чучело,
Стоит такой смешной,
В старинной шапке с бантиком,
С небритой бородой.
Стоит, да ухмыляется,
Как лошадь на овес,
Да так и заливается,
Такую дичь понес.
Какой-то вальс чувствительный
Орган его поет,
Ну просто так, разительно,
Что всякого проймет,
Из воску весь составлен он,
А как живой стоит,
Одно мне в нем не нравится,
Совсем не говорит.
Приятно б побеседовать,
Он много, чай, видал,
Когда с своей шарманкою
В Немечине гулял.
Известно, что в Немечине
Не то, что на Руси,
И бабы словно барыни,
Поди-ко, расспроси.
Да вот хоть эта барыня,
Ведь с прялкою сидит,
А тоже, смотришь, в чепчике,
Да как еще вертит.
Смешная, но преумная,
Уж видно по глазам,
Читает верно книги все -
Да только по складам.
А вот еще компаньца,
Прекраснейший народ,
Картежники, да пьяницы,
Один из них урод,
Не знает он приличия,
Зевает за столом -
Но, верно, невоспитанный.
И платье то на нем,
Не то, что на хозяине.

Вот этот, так дантист,
Носина преогромнейший,
Должно быть, что артист.
Одет весьма прилично он,
Да только без очков:
Известно, что красавицы
Не любят старичков.
А он вот с этой девушкой
Ну, знаете, тово. -
Да кто не куртизоловал?
Так это ничего.
На свадьбе же серебряной
Не все ведь только есть,
Жена, старушка дряхлая,
Успела надоесть.
Да к ней же подбирается
Какой-то там чудак,
Хоть стар, да, впрочем, кажется,
Что парень не дурак,
Он с розочкою аленькой
Изволит подходить
А женщине, да старенькой,
Ведь можно всем польстить:
Проклятые картежники,
Отдельный уж народ,
Один из них хоть седенький,
А видно, что урод.
К себе он карты лучшие
Изволит подбирать; -
Товарищи же вполпьяна,
Так выгодно играть. -
А. . . баум,² ну точно наш,
Такая же битка,
Как липочку ощищет вас.
Проворная рука.
Вот здесь, так чудо девушка,
Бела и румяна,
Да что-то крепко спит она,
Должно быть, что пьяна.
Как смотришь, так и хочется
Смотреть, не свел бы глаз,
Ведь этаких красоточек
Уж не найдешь у нас.
Хоть есть, конечно, славные,
Да знаете, не так,
Не слишком образованы,
Не скажут слова в смак,
А брат-то у красавицы
Уж парень пожилой,
Должно быть, из Японии,
Костюм такой смешной.
Халат на нем поношенный,
Из толстого сукна,
Веревкой подпоясанный,
Как шторы у окна. -
А вот еще оказия
Ну, кто б подумать мог,
Ренель старушка дряхлая
Родила разом трех.
Мадам Капель из Австрии

Шесть разом родила -
Да, впрочем, баба крепкая,
Лет в 30, не стара,
Все мальчики смирнехонько
На столике лежат,
У столика их матери,
Как есть, они сидят. -
Вот штука любопытная,
А страшно посмотреть,
Такой ужасной смертью
Не дай бог умереть. -
А рожи все прегадкие,
Смотреть, так страх берет,
Так кажется и бросится,
Да кожу обдерет.
Ужасная история:
Какой-то граф весной
Отправился в Германию
Со всей своей семьей,
Наследство пребогатое
Он ехал получать.
В корчме остановились
От бури ночевать;
Давно уж все по комнатам
Особым разошлись
И спать, когда все стихнуло,
Покойно улеглись,
Вдруг страшные разбойники
Напали на корчму,
Сам грозный Гран-Диаволо,
Нет спуску никому!
И старого, и малого,
И женщин, и мужчин
Колотят напропалую,
Не спасся ни один.
Все живо так представлено,
Так жалостно глядят,
Все графские дитяточки,
И видно, что кричат.
Граф, стиснутый злодеями,
Стоит уж чуть живой,
Слуга его валяется
С разбитой головой.
Тут сам и Гран-Диаволо
Сердито так глядит,
Он держит нитку жемчугу
И спрятать норовит,
А может быть, и четки то,
Известно, что бандит -
Сначала богу молится,
А после уж кутит. -
Ба, ба, а это что за рожи,
А это что за генерал,
Зачем себе и адъютанту
Он сажай рожу замарал,
Ах нет, да как бы вам не сажай,
Его уж бог так уродил,
Ведь это Гейнрих, царь Доминго,
Что после сам себя убил. -
Bonjour, madame Шарлота Гаген,

И вы, которой целый мир
С таким усердьем восхищался,
Вы, улетевший наш кумир,
И вы, краса, с подмосток сцены
В такое общество пришли,
И вы, прекрасная сирена,
Среди великих сей земли!
Вот герцог Брауншвейгский Карл,
Он целый век пропировал.
Здесь Карл X, добрый царь,
Недолго был он на престоле,
На нем он с честью восседал,
Его оставил поневоле.
Леон XII, он добрый
Был церкви западной главой
И замечателен своею
Необыкновенной красотой.
А это что за старичок,
Танцует с бабой молодою,
То Жак, тирольский мужичок,
С своей девятою женою.

<.....>

Почтеннейшая публика,
Уж дали вы два рублика,
Так что и толковать,
Как гривны-то не дать?
А фокусы отличные
Представит жид смешной,
Ну, точно как естественный;
А он ведь не живой.

<.....>

Наш жид ужасный фокусник,
Творит он чудеса,
Как будто бы колдун какой,
Отводит всем глаза.
Он сделает вам яйца
Из ягод и плодов
И превратит крыс маленьких
В огромнейших котов,
Придите, так увидите,
Ужаснейший он плут,
Лимоны, сливы, яблоки
В руках его растут.
Пред ним фигурка славная
На столике стоит,
Как кончит, так хозяина
За труд благодарит.
Но я обязан в заключенье
Почтенной публике сказать,
Я сам германец, не умею,
Стихов по-русски написать,
Просил об этом я другого,
А сам осмелюсь вас просить,
Мои фигуры восковые
Благоволите посетить.
Когда угодно приходите,
Мы будем рады всегда,
Собак лишь только не водите,
Да не курите, господа.
Шинели, зонтики и палки

